

П.Э. Салий,
художник-реставратор 3 категории СГХМ имени А.Н. Радищева

А.Г. Моченцов, заведующий отделом реставрации
СГХМ имени А.Н. Радищева, член АИС

История одной подписи

Что происходит с произведением искусства, когда оно в силу тех или иных обстоятельств теряет своего автора? Когда мы приходим в музей и видим картину, автор которой неизвестен, а время её создания указано весьма приблизительно, то такое произведение становится для нас наполовину немым: мы видим только то, что изобразил художник, и сами пытаемся домысливать – зачастую неверно – когда и в какой стране он мог жить, в каком историческом и художественном контексте «варилось» его творчество, каким стилистическим запросам времени оно отвечало. Не менее печальна судьба и тех полотен, которые в результате ошибочной атрибуции получают чужие имена – не уничтоженные физически, они тем не менее фактически исчезают с искусствоведческого горизонта.

История не так часто балует нас примерами возвращения полотнам имен их подлинных авторов, поэтому каждый такой случай – это настоящее событие в мире искусства. Именно таким событием, облетевшим все мировые СМИ, стало недавнее возвращение из забвения картины Уильяма Тёрнера «Надвигающийся шквал». После своего последнего появления на выставке в Австралии (Тасмании) в 1868 году эта работа более чем на полтора столетия выпала из контекста творчества Тёрнера – лишь в 2024 году реставраторы вернули ей имя автора.



1 У. Тёрнер. Надвигающийся шквал. 1792

Фото воспроизводится по: [[Sothebys](#)]

Вернулось имя – и открылись важнейшие смыслы, стоящие за изображенным на полотне: стало понятно, что картина, написанная в 1792 году 17-летним Тёрнером, была его данью модному тогда романтизму, но – главное – это первая его работа маслом, в которой юный Тёрнер впервые применил свою виртуозную технику акварелиста, открыв окно в мир дальнейших экспериментов, перевернувших впоследствии все прежние представления художников о технике живописи. Вот таким этапным произведением оказалась эта картина и для творчества Тёрнера, и для английской живописи, и для мирового изобразительного искусства в целом – и замечательно, что реставраторы помогли ей занять правильную нишу в истории живописи. По удивительному совпадению 2024 год подарил нам не только потерянный «Надвигающийся шквал» – после 220-летнего забвения две картины другого художника, современника Тернера, вернули себе имя творца, и случилось это также в процессе реставрации. Об этом возвращении и пойдет далее речь.

В 2023 году сотрудники отдела реставрации Саратовского художественного музея имени А.Н. Радищева взяли в работу из музейного хранения картину – картину интересную, сюжетную, но которая по причине своего неэкспозиционного состояния не демонстрировалась широкой публике.



Фото авторов статьи

Поступила она в Радищевский в 1957 году из Петровского краеведческого музея в числе семи произведений живописи кисти «крупных западноевропейских художников 18–19 вв., представляющих высокую художественную ценность общесоюзного значения», как говорилось в приказе о передаче. В этом приказе были объяснены и причины передачи: во-первых, условия хранения Петровского музея не соответствовали установленным нормам, что могло привести к порче живописного слоя картин; во-вторых, эти произведения, отражающие историю развития западноевропейского искусства, не являются экспонатами краеведческого характера. В акте о передаче наша картина под названием «Гадание» значилась как работа неизвестного французского художника 18 века. После технической реставрации, проведенной в 1960 году, полотно находилось в запасниках, лишь однажды побывав на выставке живописи из собрания музея «До и после реставрации...». Неоднократно картину пытались атрибутировать, но мнения авторитетных экспертов разошлись: специалисты из Государственного Эрмитажа (В.И. Березина и Е.П. Ренне) и Е.Б. Шарнова (Москва) предположили авторство английского мастера первой половины 19 века, известный искусствовед Т.В. Максимова отнесла картину немецкому художнику И.Г. фон Диллису. В результате пришли к выводу, что произведение является примером интернационального стиля начала 19 века, но поскольку большинство экспертов отдали предпочтение английской школе живописи, то в нынешний каталог Радищевского музея «Сцену с гадалкой» внесли как работу неизвестного английского художника первой половины 19 века. Атрибутированная таким образом, картина ждала глубокой научной реставрации, поскольку ее состояние было весьма плачевным. И вот наконец сложные реставрационные работы начались. Сначала было произведено укрепление, затем удалены загрязнения и вставки реставрационного грунта. Когда последовал следующий этап, связанный с утоньшением лакового слоя, то в неожиданном месте – не внизу, как это обычно бывает, а посередине левого края полотна – обнаружилась авторская подпись.



Фото авторов статьи

Подпись эта оказалась хорошо знакомой нашим сотрудникам – аналогичная ей стоит под огромным полотном, которое располагается на парадной лестнице исторического корпуса Радищевского музея.



Фото авторов статьи

И принадлежит она Мартину Фердинанду Квадалю – художнику, чей талант был необычайно востребован при его жизни, но чьё имя впоследствии было незаслуженно забыто и известно сейчас лишь в профессиональных кругах. Что ж, чтобы продолжить наше повествование, необходимо рассказать хотя бы вкратце о жизни и творчестве этого мастера.

Родился Мартин Фердинанд Хватал в 1736 году в Моравии в крестьянской семье. Детство его прошло среди живописных окрестностей родного села Меровице. Здесь же зародилась в нем и любовь к животным, которую он пронесёт в дальнейшем через всё своё творчество. Первое образование будущий художник получил в немецкой школе городка Немчице, куда переехала его семья (Моравия была тогда частью Империи Габсбургов, поэтому немецкий язык играл значительную роль в официальной среде). Определяющую роль в дальнейшей судьбе юноши сыграл немецкий священник: именно он разглядел талант в юном алтарнике и помог ему отправиться на учёбу за границу. С отъезда из Моравии в Вену началась череда бесконечных странствий будущего художника по Европе. Получив в стенах Венской академии первое художественное образование, в 1762 году, в возрасте 26 лет, Мартин приезжает в Париж. В списках воспитанников Парижской королевской академии он значится под фамилией Квадаль: его славянская, труднопроизносимая для иностранцев фамилия Хватал приобрела здесь новое звучание, и с той поры уже знакомая нам подпись ***M.F. Quadal*** будет стоять на всех его работах. Одним из его учителей в Парижской академии был Франсуа Буше – считают, что именно он привил Квадалю вкус к изысканным тональным построениям, а одним из соучеников – Жак Луи Давид. Из Парижа в 1771 году Квадаль отправляется в Великобританию. На Британских островах Квадаль зарекомендовал себя виртуозным анималистом – в стране, где интерес к животным имел глубокие корни, талант художника не остался незамеченным. Живя и работая в Лондоне, Бате, останавливаясь в Шотландии, Квадаль пишет портреты богатых заказчиков-аристократов.



М. Ф. Квадаль. Портрет джентельмена. 1779

Фото воспроизводится по: [[mutualart](#)]

В 1779 году он переезжает в ирландский Дублин, где в течение нескольких лет являлся советником Художественного общества Дублина. После того как Квадаль добился в Великобритании признания и как анималист, и как портретист, в 1784 году он переезжает в Италию – и здесь он также востребован, популярен и в аристократических кругах как портретист, и как анималист, прекрасно понимающий психологию животных.



2М. Ф. Квадаль. Отдых в лесу во время охоты на крупную дичь. 1784

Фото воспроизводится по: [[LaStampa](#)]

Находясь в Италии, Квадаль побывал в Риме, Казерте, Пизе, но его «базой» в Италии стал Неаполь. Художник написал здесь ряд картин с мотивом Везувия, который, по-видимому, его весьма впечатлил. В Неаполе произошло знаковое событие в творческой судьбе Квадаля: он встретился с человеком, который стал его покровителем и в Италии, и позднее – в Вене. Этот человек – Антонин граф Ламберг-Шпринценштайн, дипломат, страстный любитель искусства, основатель галереи Венской Академии изящных искусств.

В своей жизни Квадаль контактировал с огромным количеством достойных, влиятельных лиц, но никто из них не сыграл в его судьбе столь важную роль, как граф Ламберг.



ЗМ. Ф. Квадаль. Портрет графа Антона Ламберг-Шпринценштейна. 1784

Фото воспроизводится по: [[WGA](#)]

Портрет графа, написанный в Неаполе – одна из лучших работ Квадаля итальянского периода – периода короткого, но очень продуктивного. Вероятно, по приглашению графа Квадаль и отправился из Италии снова в Вену – город, который когда-то открыл для него огромный мир искусства. В этот второй венский период Квадаль создает самое известное свое произведение – картину «Натурный класс Венской Академии».



4М. Ф. Квадаль. *Натурный класс Венской Академии. 1787*

Фото воспроизводится по: [[wikimedia](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Michael_Friedrich_Kwaedael_-_Natural_Class_of_the_Vienna_Academy_-_1787.jpg)]

Эта работа с ее идеально продуманной композицией помогла Квадалю стать членом академии в Вене. После очень продуктивного венского периода, длившегося с середины до конца 1780-х годов, переменчивая натура Квадаля заставила его снова вернуться на Британские острова. Во второй английский период Квадаль проявил себя как великолепный график; также он продолжил писать и картины маслом (в чем мы убедимся далее), выставлялся в Дублине в Обществе друзей искусств и в Лондоне в Королевской академии. Этот английский период, несомненно, является одной из ключевых глав в жизни художника. В начале 1796-го года Квадаль оказывается уже в Гамбурге, куда он приехал, по всей видимости, из Голландии, где тоже успел недолго поработать. Двухгодичный гамбургский период удивителен тем огромным количеством портретов богатых немецких дворян и бюргеров, которые за столь недолгое время успел здесь написать Квадаль. Многие из этих портретов сохранились и являются сегодня частью коллекции живописи Гамбургского Кунстхалле. Наконец, в 1797 году из Гамбурга Квадаль отправляется в Россию, чтобы «нарисовать сцены коронации и торжественного въезда императора Павла в Москву – к тому моменту уже давно прошедшие, – опираясь на свою силу воображения», – так об этом вспоминал гамбургский юрист и писатель Ф.И.Л. Майер. И воображение, помноженное на невероятную силу таланта и усердия, помогли Квадалю создать то самое огромное полотно, которое является сегодня достоянием нашего Радищевского музея, а портреты дочерей Павла, Марии и Анны, также написанные Квадалем в России, украшают сегодня Лувр.



5М. Ф. Кваďаль. Портреты дочерей Павла I, Марии и Анны. 1799, 1802

Фото воспроизводится по: [[wikipedia](#)]

В России Кваďаль останется до конца своих дней (он умер внезапно 30 декабря 1808 года), и лишь в 1805 году он ненадолго покинет нашу страну, чтобы посетить родную Моравию и столь любимую им Англию. Вот так в самых общих чертах выглядит жизненный и творческий путь этого незаурядного художника, которого подарила миру моравская земля. «Кваďаль из Моравии» – так обычно представлял себя сам художник во время выставок, и лишь одна работа – копия его автопортрета, написанного в Италии для галереи Уффици, – содержит рядом с фамилией небольшую приписку – «tedesco» – что по-итальянски означает «немец».



6М. Ф. Кваďаль. Автопортрет. 1788

Фото воспроизводится по: [[wikipedia](#)]

Хотя и в наше время многие справочники называют Квадаля немецким или австрийским художником, все же правильно считать его художником именно моравским – ведь он сумел сохранить в себе то духовное начало, которое было заложено в нём в детские и юношеские годы на его родине. Мы не знаем, что побуждало его к столь частой перемене мест – непоседливая натура или же поиски новых заказчиков (а возможно, и то и другое вместе), но в итоге Квадаль зарекомендовал себя высококлассным профессионалом во всех крупнейших культурных центрах Европы. Следствием его «охоты к перемене мест» стал тот факт, что ныне его творческое наследие разбросано по всему миру. Действительно, работы художника в настоящее время находятся как в различных частных коллекциях, так и в многочисленных публичных художественных галереях и музеях, что значительно усложняет работу исследователям его творчества. Возможно, этот факт и является одной из причин, почему до сих пор ни в одной из стран, где жил и работал Квадаль, ещё не создана монография, максимально подробно анализирующая его творчество. Хотя одна монография, освещающая петербургский период художника, была, по всей вероятности, написана, но в послереволюционной России так и не была напечатана – работал над ней Игорь Грабарь по просьбе первого чешского квадалеведа Флориана Заплетала. Надо отдать должное чешским исследователям: начатую еще в 19 веке Ф. Заплеталом работу достойно продолжает нынешнее поколение молодых чешских искусствоведов: магистерская диссертация, защищенная Евой Шафаржиковой в 2012 году в родной Квадалю Моравии (в университете Палацкого в Оломоуце), является на сегодняшний день самым полным и значительным исследованием творчества художника (надо признаться, что в рассказе о творческом пути Квадаля мы во многом опирались именно на эту работу, несмотря на то, что изучили всю имеющуюся на данный момент литературу как зарубежных, так и отечественных авторов). Ева Шафаржикова в диссертации представила максимально полный каталог живописи и графики Квадаля. К сожалению, в составленном ею каталоге отсутствует изображение значительного числа работ художника: готовя каталог к публикации, в ряде случаев ей не удалось преодолеть бюрократические препятствия как на родине художника (так было, например, во время ее переговоров со Страговским монастырем и Национальной галереей в Праге), так и в других европейских центрах. Надеемся, что наша публикация поможет Еве Шафаржиковой продолжить начатое исследование – ведь мы покажем работы Квадаля, о существовании которых она знала лишь по их названиям в сохранившихся архивных материалах (кстати, будут у нас и сюрпризы для чешских искусствоведов). Ну и завершая короткий рассказ о творческом пути Квадаля, перечислим названия художественных галерей и

музеев, где сейчас экспонируются или же хранятся в фондах работы этого непоседливого художника. Итак, кроме уже упомянутых Лувра, Галереи Уффици, Гамбургского Кунстхалле, Художественной галереи Страговского монастыря и Национальной галереи в Праге, творения мастера можно увидеть в целом ряде зарубежных художественных заведений. Это:

Моравская галерея в Брно;

Венская академия изобразительных искусств;

Венский военно-исторический музей;

Галерея Бельведер (Вена);

Галерея Тейт (Национальная галерея британского искусства);

Йоркская художественная галерея, Англия;

Королевский дворец в Казерте;

Национальный музей изобразительного искусства в Стокгольме;

Национальная галерея Ирландии;

Гаагский исторический музей;

Музей изобразительных искусств в Будапеште, Венгрия;

Музей искусств в Яссах, Румыния;

Муниципальный (городской) музей Гааги;

Старая пинакотека Мюнхена;

Национальный музей в Варшаве;

Национальный музей во Вроцлаве;

Замок Амеронген, провинция Утрехт, Нидерланды;

Замок Валтице (Южная Моравия, Чехия);

Художественный музей Род-Айлендской школы дизайна, США;

Художественный музей Цинциннати, США.

Список российских музеев – обладателей работ Квадаля – тоже весьма внушителен. Помимо нашего Радищевского музея, это:

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;

Государственная Третьяковская галерея, Москва;

Государственный музей изобразительных искусств имени
А.С. Пушкина, Москва;

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени
А.В. Щусева, Москва;

Государственный исторический музей, Москва;

Государственные музеи-заповедники «Павловск» и «Петергоф»;

Государственный историко-литературный музей-заповедник
А.С. Пушкина, Московская область;

Литературно-художественный музей-усадьба «Приютино»,
Ленинградская область;

Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова;

Нижегородский государственный художественный музей.

Возможно, этот перечень пополнится после того, как музеи полностью завершат работы, связанные с электронной каталогизацией своих фондов. Так что есть шанс, что в отдаленной перспективе и каталог работ Квадаля обретёт свою максимальную полноту. Ну а теперь пора вернуться в музей Радищевский, чтобы продолжить прерванное повествование о «Сцене с гадалкой».

Параллельно с кропотливой работой по восстановлению первоначального облика этой картины мы, конечно же, пытались выяснить историю её создания. И в этом нам существенным образом помогла дата её написания: рядом с традиционными «*M. F. Quadal Pinx*» сохранились четыре цифры – **1793**. И это не просто цифры – за ними стоит целый пласт важнейшей информации. Итак, о чём же они говорят? Во-первых, что картина эта была написана Квадалем во время его второго английского периода – периода важного, этапного в творческой судьбе художника. Во-вторых, изображённая на холсте сценка – это свидетельство того, что, помимо увлечения графикой и гравюрой (широко известна созданная в это время художником серия гравюр с изображением домашних и диких животных), Квадаль продолжал в этот период работать маслом, и интересовала его в том числе и жанровая живопись. В-третьих, пейзажный фон «Сцены с гадалкой» частично совпадает с пейзажным фоном другой картины Квадаля, на которой он изобразил динамичную сцену английской охоты на лис



Фото воспроизводится по: [[imkinsky](#)]

(к сожалению, мы не знаем года создания этой проданной с аукциона картины, но её тематика подсказывает, что она тоже, по всей видимости, была написана в Англии), и такое совпадение может говорить о том, что писал обе сцены художник с натуры, в окрестностях Лондона или Бата – городов, в которых Квадаль попеременно жил и работал. В-четвертых, тот факт, что Квадаль привез эту картину в Россию, может говорить о том, что писал художник подобные жанровые сценки не по заказу, не для продажи, а для себя, для души. В этом месте может возникнуть справедливый вопрос: почему мы с такой уверенностью утверждаем, что Квадаль сам привез «Сцену с гадалкой» в Россию? Ответ прост: потому, что у нас есть весомые аргументы, которые мы, конечно же, представим, рассказав далее об одном интереснейшем культурном мероприятии, проходившем в Санкт-Петербурге, среди «участников» которого была и наша «Гадалка».

Итак, завершив в 1799 году работу над историческим полотном, посвященном коронации Павла I, написав затем картину, посвященную восшествию на престол Александра I, а также ряд портретов столичной знати, в 1803 году Квадаль устраивает на Невском проспекте выставку своих работ. Уникальность этого мероприятия состояла в том, что, по сути, это была первая персональная художественная выставка в России, причем в специально устроенном для этого временном помещении-павильоне (в европейских столицах подобные выставки появились незадолго до этого). Благодаря рекламному объявлению, размещенному Квадалем в «Санкт-Петербургских ведомостях», нам известны любопытные подробности устройства этого культурного мероприятия.

Tente pittoresque.
Палатка живописных картин, состоящая на Невской перспективе против аглинского магазина, в которой выставлено собрание живописных картин работы Квадаля в числе которых находится портрет ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, во весь рост, сидящего на коне и блаженной памяти Императора ПАВЛА I, опять открыта на короткое время с 9 часов утра до 5 вечера. За вход платится по 1 р. серебром. Палатка хорошо натоплена. Каши-

Объявление об открытии
«картинного шалаша» на
Невском проспекте
Санкт-Петербургские ведомости
22.01.1804
РНБ

Объявление анонсировало открытие живописной палатки (**Tente pittoresque**) «на Невской перспективе против аглинского магазина, в которой выставлено собрание живописных картин работы Квадаля»; открыта палатка (которая к тому же была «хорошо натоплена») с 9 часов утра до 5 вечера. Указана стоимость посещения выставки — 1 рубль серебром (столь высокая стоимость говорит об элитарном характере этого мероприятия). Каждому оплатившему вход бесплатно вручался печатный каталог (наподобие современного рекламного буклета), в котором на французском языке были перечислены названия 32-х представленных на выставке живописных работ и даны краткие аннотации их содержания. К счастью, образец того каталога дошел до наших дней, что даёт нам чёткое представление о том, какие работы отобрал Квадаль на суд столичной публики. Трудно переоценить значение этого каталога — это единственный наиболее полный перечень работ Квадаля, поэтому он так важен для исследователей его творчества (в переводе на русский язык каталог был опубликован С. Эрнстом в 1916 году в журнале «Старые годы»).

«По среди луга два аглинские верхами охотника, увидя цыганку, останавливаются. Одному из них делает она предсказания», — такое описание в каталоге дано картине под № 12. Это и есть описание нашей «Сцены с гадалкой». Итак, созданную ещё в Англии в 1793 году, Квадаль привёз эту картину в Россию, чтобы она в 1803 году (а потом и в 1804) в числе лучших работ заняла свое место на его персональной выставке.

Следующий этап наших разысканий был связан с поиском путей, которые привели «Гадалку» из тогдашней российской столицы в уездный город Петровск (ныне — один из районных центров Саратовской области). Важнейшей отправной точкой на этом этапе явилась зафиксированная в картотеках и каталогах Радищевского музея информация о том, что картина поступила в Петровский краеведческий музей из собрания княгини Анны Сергеевны Голицыной (1853 — 1916), из её имения в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии. Жизненный путь Анны Сергеевны, представительницы старинного рода и последней владелицы родового имения в Князевке, описан весьма подробно местными краеведами (к чему

мы еще вернемся). Хорошо известно, что именно она была последней хранительницей и картинной галереи, и знаменитой библиотеки Шаховских, (2020 томов из которой будут переданы ею в 1909-1912 годах в общественную библиотеку Пензы). Но между годом рождения Анны Сергеевны и датой персональной выставки Квадаля – дистанция в полвека. Следовательно, последняя владелица поместья являлась именно хранительницей работы Квадаля – приобрели же её, скорее всего, представители предыдущих поколений Шаховских. Изучив родословную Голицыных по восходящей, мы нашли важные для нас персоналии. Мать Анны Сергеевны, Александра Петровна Шаховская (1806 – 1871), оказалась дочерью персон титулованных и весьма влиятельных при царском дворе: отец её, Шаховской Пётр Фёдорович (1773 – 1841) – князь и действительный камергер, мать, Шаховская (в девичестве Жегулина) Анна Семёновна (1776 – 1843) с 1796 года – фрейлина великой княгини Анны Фёдоровны, жены Константина Павловича. Любимой фрейлиной самой императрицы была и родная сестра Петра Фёдоровича, Наталья Федоровна Шаховская (1779 – 1807). Трудно представить особ, более приближенных к царскому двору! Квадаль, в свою очередь, приехав в Россию, первое время проживал непосредственно при царском дворе. Предположив, что между четой Шаховских и Квадалем могли завязаться деловые или дружеские отношения, мы обратились за поисками подтверждения нашей догадки в Государственный исторический архив, и нам повезло – мы действительно нашли дело, в котором Анна Шаховская упоминается в одном контексте с фамилией Квадаль. *«Об удовлетворении вдовы профессора живописи Квадаль присужденными ему деньгами, данными надворным судом титулярному советнику Скопинскому по переданному ему от княгини Шаховской условию»*, – под таким заголовком в архиве хранится дело 4-го апелляционного департамента Сената. Из материалов дела нам стало известно о многолетней финансовой тяжбе между вдовой Квадаля и Анной Шаховской. Этот денежный спор возник по той причине, что Квадаль купил для Шаховских дачу, за что, согласно расписке, якобы получил от Анны Шаховской 3000 рублей, но его вдова решением Санкт-петербургской палаты Гражданского суда от 18 мая 1815 года добилась признания поддельного характера той расписки. Далее из материалов дела следует, что взыскать денежные средства следует с чиновных лиц, допустивших оплошность и не распознавших вовремя подделку, а все действия *«Надворного суда о взыскании с княгини Шаховской денег признать противными оному решению»* (решение было вынесено 14 января 1830 года). Факт покупки Квадалем дачи для Шаховских как нельзя лучше доказывает, что между ними были весьма тесные отношения. Скорее всего, эти отношения не могли обойти стороной и творческую деятельность Квадаля – интерес к его живописным работам мог вылиться в их покупку Шаховскими, а возможно,

учитывая статус Шаховских при дворе, Квадаль мог и подарить Шаховским некоторые из понравившихся им работ.

Из Петербурга перенесемся теперь в Князевку. Надо сказать, что этому селу несказанно повезло – у него нашлись собственные летописцы. Ими стали жившие в Князевке в 19 веке простые крестьяне-самоучки Гаврила Киреевич Заварицкий и Иван Андреевич Успенский. Хранящиеся в Саратовском областном архиве в фонде СУАК их рукописи по истории с. Князевки по сей день являются бесценными историческими источниками. Читая эти документы, поражаешься одержимости их авторов, проделавших невероятно сложную, кропотливую работу, чтобы свести в увлекательный рассказ историю Князевки с самого момента её основания до 20 века. Вот только на самый важный для нас вопрос – когда и каким образом Князевка перешла от Путятиных, владевших ею почти весь 18 век, в собственность Шаховских – краеведы не дали нам внятного ответа. И.А. Успенский пишет, что Путятины продали вотчину Петру Фёдоровичу Шаховскому в 1785 году. Г.К. Заварицкий же, подробно описывающий жизнь в Князевке Алексея Алексеевича, последнего её владельца из рода Путятиных, затем без всяких пояснений утверждает, что в 1809-1811 годах Князевка «перешла во владение княжны Шаховской». Столь разные версии только подтвердили наши сомнения в том, что смена собственников прошла гладко: по некоторым источникам, Алексей Алексеевич Путятин за несколько лет до смерти (умер он «вдов и бездетен» в 1790 году) втайне от прямых наследников князей Шаховских составил завещание в пользу своего дальнего родственника Николая Абрамовича Путятина (1749 – 1830), известного дрезденского филантропа и философа, из-за скандала в свете вынужденного покинуть Россию в 1782 году. Известно также, что Шаховские в суде пытались оспорить это завещание, но Сенат им отказал, признав подлинность документа. Входила ли Князевка в число завещанных Николаю Абрамовичу имений, мы не знаем, но некоторый «провал» в повествованиях краеведов относительно этих лет свидетельствует как раз в пользу этого предположения. К тому же Заварицкий упоминает предание о том, что Путятин был крестным Александры Петровны Шаховской и подарил с. Князевку ей «на крест». Но тогда или предание таит в себе явную временную несостыковку – ведь Александра Петровна родилась через 16 лет после смерти последнего владельца Князевки из рода Путятиных, или же имение действительно подарил ей дрезденский дальний родственник (надеемся, историки и краеведы когда-нибудь смогут поставить точку в этом вопросе). Так это или иначе, но Князевка в 19 веке – действительно уже собственность Шаховских. Пётр Фёдорович и Анна Семёновна если и являлись её собственниками, то, судя по всему, в Князевке никогда не жили, отдавая предпочтение тем своим поместьям, что были расположены ближе к

Петербургу и Москве. А вот их дочь, Александра Петровна, уже стала постоянной жительницей князевской усадьбы. Переехала она в имение, по словам Заварицкого, после того как преобразовала его в соответствии с собственными запросами: построила новый барский дом, развела сады, вырыла пруд, а в старом барском доме организовала школу и больницу.



1 Реконструкция барского дома в Князевке

Переезду в Князевку способствовали и обстоятельства её личной жизни: супруг Александры Петровны, Голицын Сергей Сергеевич (1805 – 1871), заслуженный николаевский вояка, состоявший даже в Свите его Императорского Величества, был большим любителем карточных игр. Проигравшись, он попал в Петербурге в долговую тюрьму, и Александра Петровна с дочерью Анной вынуждены были навсегда покинуть столицу – от стыда подальше, вероятно. Обустроив имение в Князевке, Александра Петровна, видимо, и перевезла из столицы в новый барский дом картины из собрания своих родителей (к тому времени уже покойных), а её дочь, Анна Сергеевна, и стала последней обладательницей семейной картинной галереи, где среди работ прочих авторов была и работа Квадаля.

Личность Анны Сергеевны, натуры деятельной и весьма незаурядной, заслуживает хотя бы самого короткого рассказа. В Князевке княжна вошла во вкус вольной деревенской жизни. С 19-ти лет она стала распоряжаться имением, интересоваться сельским хозяйством: ездила по полям, следила за всеми работами, разводила породистых коров, охотничьих собак, занималась коневодством – купила рысистых лошадей, возила их на бега, да и сама слыла прекрасной наездницей. Была она и творчески одаренной личностью: любила музыку, пение (пела в хоре, организованном ею из дворовых служащих и

крестьян), а художник Пётр Чалышев, по свидетельству Заварицкого, обучал её рисованию и художеству.

«Крестьяне жили с помещицей мирно», – пишет Заварицкий. Если случалась беда в семье – Анна Сергеевна всегда помогала (не любила она лишь нерадивых работников). Милосердие барыни сыграет важнейшую роль в сохранении как самой усадьбы, так и картинной галереи – в 1905 году, во время крестьянского движения, сопровождавшегося погромами и поджогами барских имений, дворовые служащие и крестьяне Князевки не стали участниками погрома, а наоборот, организовали охрану усадьбы и спасли её от уничтожения. Что ж, огромная им за это благодарность! А ведь «Гадалка» Квадаля могла сгореть, как сгорели в то время великолепные картинные галереи в соседних имениях Устиновых и Куракиных (и если бы «Коронование Павла», выкупленное у вдовы Квадаля князем Куракиным и перевезенное им в свое саратовское имение Надеждино, не было бы передано потомками князя в 1886 году в Радищевский музей – оно наверняка было бы уничтожено в тех пожарах вместе с другими картинами из коллекции «бриллиантового князя»).

Анна Сергеевна Голицына умерла 6 июля 1916 года. Ввиду отсутствия наследников управление имением было передано Опекунскому совету. А через год грянула революция. Каковы были её последствия для картинной галереи в бывшей барской усадьбе? Ответ на этот вопрос мы нашли в еще одном историческом источнике, хранящемся в Саратовском областном архиве. Источник этот показался нам настолько важным с точки зрения фактов, в нем изложенных, да и авторский слог его не лишен явных литературно-художественных достоинств, что мы посчитали необходимым опубликовать его в качестве приложения к нашей статье (готовя машинописную рукопись к публикации, мы полностью сохранили оригинальный текст, лишь привели его к нормам современной орфографии и пунктуации и убрали опечатки).

Итак, этот документ содержит весьма ценную, во многом даже шоковую, информацию о том, как именно в постреволюционные годы происходило разграбление крестьянами бывших помещичьих усадеб. И в это переломное время, когда в стране ещё шла Гражданская война, новыми властями было принято решение о создании в Петровске краеведческого музея, из которого, напомним, в 1957 году «Гадалка» Квадаля и была передана в Радищевский музей. **«Доклад заведующего музеем В.Н. Козлова о первой экспедиции по Петровскому уезду»** – это подробный отчёт о результатах поездки сотрудников музея в северо-западную часть уезда в августе 1921 года с целью «отыскания экспонатов из бывших помещичьих усадеб», и усадьба Голицыной в Князевке была третьим пунктом их

маршрута. Из доклада следует, что усадьбы Ермолаевых и Васильчиковых – первые два пункта маршрута – оказались едва ли не подчистую разграблены крестьянами, но вот усадьбу Анны Сергеевны вновь, как когда-то в 1905 году, обошёл стороной и революционный пожар 1917 года – от Опекунского совета имение перешло в ведение Уземотдела, и в бывшем помещичьем доме разместился Народный дом, состоящий из «зрительного зала, сцены, бутафорской и декораторской, буфета, артистических уборных». Устройством своим и особенно чистотой Народный дом произвел на участников экспедиции «прекрасное впечатление». Картины же, оставшиеся после предыдущего организованного вывоза музейных ценностей из Князевки (к этому вывозу мы ещё вернёмся), хранились в Народном доме и использовались «в качестве бутафории театром», при этом относились к картинам бережно – всё найденное было в полной сохранности, без признаков пыли (!) и каких-либо повреждений. Словно какие-то неведомые силы охраняли нашу «Гадалку» и в первые послереволюционные годы – да, она была среди тех театральных декораций. В докладе В.Н. Козлова мы нашли её под № 8 в списке из 11-ти «картин масляной краской», вывезенных из Князевки и доставленных в распоряжение Петровского краеведческого музея. Что ж, отчёт В.Н. Козлова об экспедиции, состоявшейся более века назад, стал последним звеном в длинной цепи наших разысканий. Маршрут «Гадалки» из Туманного Альбиона в Петровск, а далее – в Саратов, стал полностью понятен. Но вместе с «Гадалкой» тот же маршрут проделала еще одна работа Квадаля, только её путь оказался на 100 километров короче – она не доехала до Саратова, а так и осталась в Петровском музее, где находится по сей день. Далее мы расскажем о том, как нам удалось обнаружить подпись Квадаля и на этом полотне.

Надо признаться, что в этом нам отчасти помог его величество случай – в силу обстоятельств личного характера нам доводилось не раз бывать в Петровском краеведческом музее. И одна из картин, представленных в экспозиции, посвященной дворянским усадьбам, каждый раз привлекала к себе наше пристальное внимание – по технике исполнения она была очень схожа с «Гадалкой», тогда ещё находившейся в запасниках Радищевского музея. Когда же в процессе реставрации «Гадалки» мы обнаружили подпись Квадаля, то решили в очередной раз посетить Петровский краеведческий музей, чтобы проверить, насколько верны были наши предположения. И на этот раз нам хватило простого визуального осмотра картины, чтобы обнаружить хорошо знакомую нам подпись – в нижнем правом углу мы прочли: *M.F. Quadal Pinx. 1793.*

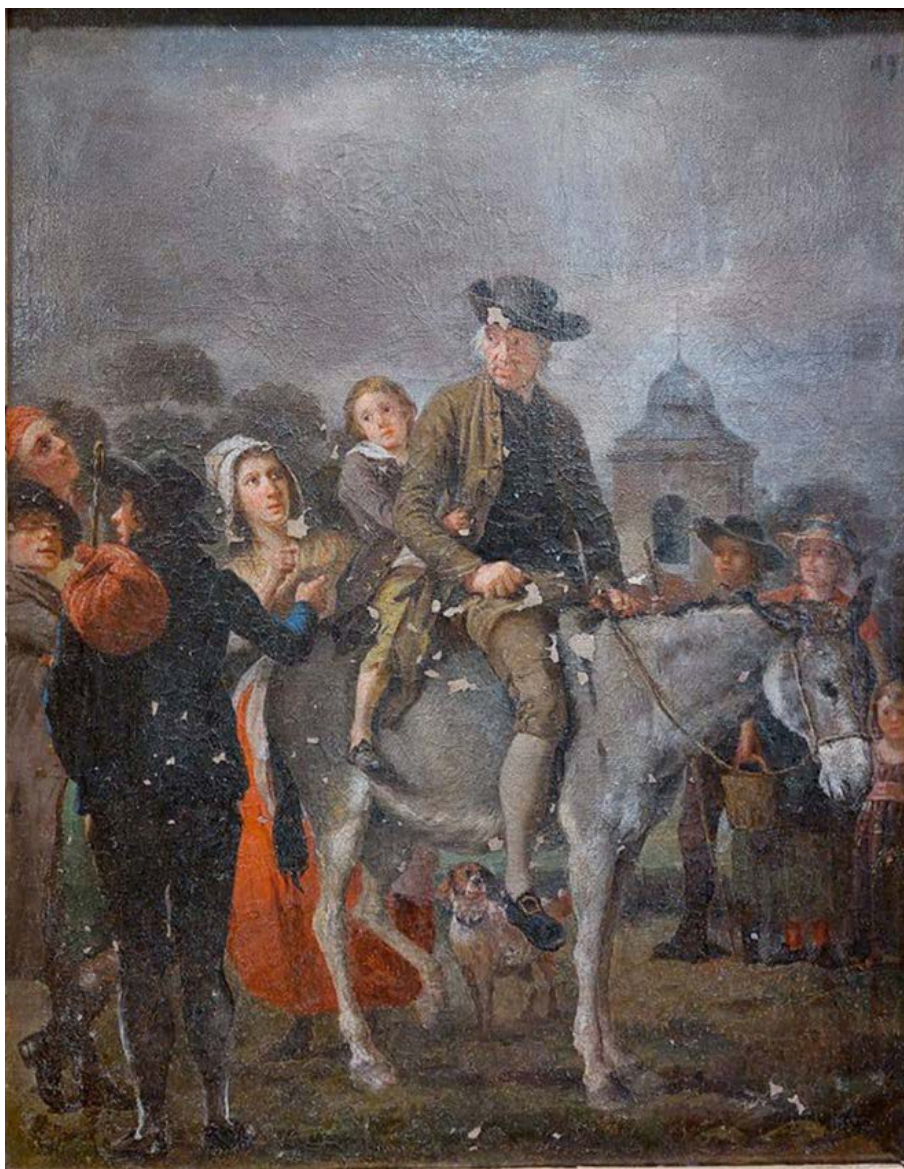


Фото авторов статьи

Да, автор этой картины, на которой изображена сцена из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осёл» – так хорошо знакомый нам Квадаль, а не неизвестный художник, как указано на этикетке. И вновь перед нами знакомая дата – 1793. Значит, и «Гадалка», и эта картина созданы Квадалем в

надеемся, что после выхода этой публикации будет принято решение о необходимости реставрации «петровского Квадаля». Ну и конечно же, обе картины ждут официальной реатрибуции.

Мы начали наше повествование с рассказа о возвращении из забвения картины Тёрнера. Не без удовольствия вернемся к этой истории и в финале нашего рассказа. Свой «Надвигающийся шквал» Тёрнер впервые представил публике в 1793 году в Лондоне на выставке Королевской академии художеств – выставке, которая и по сей день считается чуть ли не самым значительным мировым художественным событием. И с работой юного Тёрнера соседствовали четыре работы художника зрелого, сложившегося, востребованного. Этим художником был «Квадаль из Моравии». А одна из четырех представленных им работ называлась «Man and his Ass (from the fable)». Ну конечно же, посетители Королевской выставки рассматривали ту самую сценку из басни Лафонтена, которую посетители Петровского краеведческого музея разглядывают в наши дни, спустя почти два с половиной столетия. Пройдя сквозь долгие годы странствий и приключений, каким-то невероятным образом переплелись судьбы этих двух картин, потерявших своих авторов и вновь – благодаря сохранившимся подписям – нашедших их спустя столько лет... Возвращённые имена, несомненно, откроют новую страницу в жизни этих полотен.

Приложение

Доклад

заведующего музеем В. Н. Козлова о первой экспедиции по Петровскому уезду

Вопрос об экспедиции в уезде возник вслед за открытием музея. Малое количество экспонатов, с которыми начал функционировать музей, и желание отыскать уцелевшие остатки художественных и исторических ценностей из бывших помещичьих усадеб – всё это говорило за необходимость поездки в уезд. Но, помимо этого, в вопрос об экскурсии вплеталась ещё одна задача. Совет музея считал, что экскурсия эта должна дать материал чисто методического характера. Экскурсия должна была показать, какие из способов подхода к работе окажутся на практике наиболее подходящими как в отношении быстрого обогащения, так и со стороны установления тех или иных отношений с населением, пригодных для будущих экскурсий. В этих видах предполагалось повести изыскания по всем отраслям музейного дела и включить в состав экскурсии всех постоянных сотрудников музея, т. е. как заведующего музеем, так и заведующих всеми отделами его. Кроме того, во главе экскурсии хотел стать сам заведующий Устнаробом.

В соответствии с этими задачами был выработан и маршрут экскурсии. Для отыскания экспонатов из бывших помещичьих усадеб имелось в виду посетить те из них, кои наиболее насыщены предметами художественной культуры и старины. Затем предстояло посетить селения с исконным инородческим населением, и наконец надлежало заезжать в местности, где возможно было получить экспонаты геологического характера.

Попутно предполагалось осматривать старинные церкви и архивы, а также отыскивать материальные и документальные следы банд Попова и Антонова (для открывающегося подотдела общественных движений).

Всё это сосредотачивалось в северо-западной части уезда. Таким образом конкретно маршрут был составлен такой: 1) Ключи – имение Ермолаевых, 2) Берёзовка – имение Васильчикова, 3) Князевка – имение кн. Голицыной, 4) Кондоль, Усть-Уза – типичные татары, 6) Мачкасы и Чинлясы – типичные мордва, 7) Дурасовка – овраг с окаменелостями из деревьев.

Так предполагалось Советом музея. При ближайшем же осуществлении изменился как состав экскурсии, так и её маршрут. Вместо предполагавшихся

шести лиц в состав экскурсии вошли четверо (заведующий Устнаробом и заведующий естественно-историческим отделом не могли принять участия в экспедиции), а затем затянулось дело с деньгами, необходимыми на расходы по экспедиции.

Последние обстоятельства, задержавшие экскурсию на несколько лишних дней, между прочим повели, как это будет видно ниже, к потере нескольких ценных экспонатов.

Экскурсия выехала из Петровска 23 августа 1921 г. и в составе заведующего музеем В. Н. Козлова и заведующих отделами: художественным - А. А. Баранова, историко-археологическим – С. Н. Линцевича. Заведующий этнографическим отделом Г. Е. Горской выехал на несколько дней позднее и, отделившись от экспедиции, избрал пунктом поездки мордовские и татарские селения с целью этнографического обследования. О его поездке он имеет представить особый доклад, а здесь же в дальнейшем будет говориться лишь о поездке указанных выше трёх лиц.

И так мы трое выехали из Петровска 23 августа в 3 часа дня. В тот же день в 11 часов вечера мы были в Ключах. По нашим планам здесь нам надо было остановиться. Предстояло найти следы библиотеки помещиков Ермолаевых. По словам осведомленных людей, у них в свое время была замечательнейшая в уезде библиотека как по количеству, так, в особенности, и по качеству книг, имелась масса манускриптов, автографов и проч.

Разузнать о судьбе этой библиотеки мы хотели лично у учительницы Валентины Павловны, живущей в Ключах около 18 лет и знавшей Ермолаевых.

Утром 24 августа, пока школа была ещё закрыта, мы отправились осматривать церковь и место, где когда-то стояла помещичья усадьба и где теперь только поросшие бурьяном ямы указывают её прежнее местонахождение.

Церковь каменная, построенная (по сведениям от местных жителей) лет 120 – 130 лет тому назад. Архитектура не чистая – смешанный византийский и искаженный русский стиль, но довольно своеобразная, в особенности колокольня и верхний этаж главного корпуса (круглые с ложными колоннами), так что во всяком случае подлежит охране как памятник старины и истории искусства.

Внутри церкви ничего, представляющего какую-либо музейную ценность, ничего совершенно не оказалось. По сведениям от сторожин (в рукописи так; возможно, подразумевалось *старожилов*), все старинные иконы, находящиеся в ней, раньше были перенесены в часовню на кладбище,

но в настоящее время уже от часовни остались лишь одни полуразвалины, а иконы бесследно исчезли.

Как только открылась школа, мы отправились к учительнице, рекомендовались ей, объяснили цель нашего посещения и стали расспрашивать про Ермолаевскую библиотеку. При нашем приходе она немного заробела, потом, узнав кто мы и что нам надо, она оправилась, но тень какого-то недоверия, какое мы встречали всюду и которое мы определили как «говорите-то вы хорошо, а вдруг потом будете хлеб искать» – тень такого недоверия продолжала проскальзывать в её речах.

Вот что мы от неё узнали. Ермолаевская библиотека была расхищена местными крестьянами во время пожара усадьбы, подожженной ими же в 1905 г. Потом, ожидая карательного отряда, они стали прятать награбленное: зарывать в землю, бросать в колодцы и т. д. Таким образом почти всё тогда же пропало. Иногда ребяташки приносят в школу какую-нибудь старую книгу, преимущественно с картинками (у Ермолаевых было много детских книг), но в ней один рваный корешок с несколькими листочками. В библиотеке в данное время таких книг сохранилось 10-15.

Сопоставив слова учительницы с показанием ктитора церкви – хотя он страха ради рассказывал по-иному, именно: «Усадьбу подожгли какие-то вооруженные чужие люди верхом на лошадях и в масках. Подожгли и никого из местных не допускали к усадьбе, пока она и всё в ней не сгорело» – сопоставив его показания, а также сличая с показаниями других нами расспрашиваемых жителей с. Ключей, мы пришли к печальному, но, видимо, несомненному выводу, что надо считать Ермолаевскую библиотеку погибшей безвозвратно.

Такой результат, полученный при первой же попытке, нельзя сказать чтобы подействовал на нас хорошо: мы ожидали не этого. Однако, что же делать. Мы опоздали ровно на 16 лет и мудрёного нет, что экспонаты мало по малу все улетучились. Надо ехать дальше.

Вечером 24 августа мы были в Берёзовке. Пошли к учителю, но не застали его, отправились к учительнице. Поговорили с ней, увидели у неё на стенах некоторые репродукции картин, а на столе альбом с репродукциями и в библиотеке некоторые старинные книги и объявили, что всё это возьмём в музей, с чем она согласилась. От учительницы узнали, как берёзовские и андреевские крестьяне делили Васильчиковскую усадьбу. Из слов учительницы мы получили впечатление, что разделено было много, так как усадьба была богатая, с массой старинных и ценных вещей, что кое-что из этого, возможно, что и хранится кое у кого из крестьян.

Обсуждая всё это ночью у себя на квартире, лёжа на полу, шёпотом, чтобы не слышали хозяева, мы решили утром обойти всё село из двора во двор, для чего предлогом выбрали покупку молока. Подумав, перерешили, что не молоко, а хлеб. Молоко мы можем найти в первых же пяти домах, и тогда придётся прямо прекратить дальнейший обход, а хлеб даст нам возможность обойти всё село, так как на отсутствие хлеба нам уже жаловались.

Утром, до начала занятий в волисполкоме, один из нас пошёл к священнику, чтобы с ним осмотреть церковь, а двое других отправились искать хлеба. Идя по селу, стараемся обходить те хаты, около которых виднеются какие-нибудь фигуры: ведь если спросить на улице «нет продажного хлеба?», то при отрицательном ответе мы лишаемся возможности войти в избу и осмотреть её... Но вот мы входим в избу, спрашиваем «нет ли продажного хлеба», расспрашиваем об урожае, о дожде, а сами тем временем стараемся obeжать избу стремительными и внимательными взглядами: нет ли на стенах картин, на окнах и полках – книг, посуды и т.п. Но тут происходит ряд неустрашимых препятствий вроде того, что разговор не хотят поддерживать, обрывают сразу решительно («сами голодаем, хлеба нет») или чаще всего нас встречают в чёрной половине, в кухне, а вторая половина – чистая – или затворена, или в отворённую дверь видно только кусочек комнаты. Мы изыскиваем предлоги заглянуть и туда, импровизируем что-нибудь, чтобы можно было заглянуть туда, но чаще всего это не удается благодаря нашему смущению: нам так и кажется, что мы очень неискусно ведём диалог, что нас насквозь видят, но особенно же благодаря глубокой, прямо уничтожающей подозрительности, с которой нас встречают и с нами разговаривают. Подозрительности, вытекающей из испуга «а не хлеба ли ищут». Словом, как бы ни велика была жажда найти редкую картину или ценную утварь, оружие, книгу, пришлось изб через десять прекратить этот подворный обход как не приводящий к результату: нас боялись, да и мы стеснялись.

В церкви, куда мы затем направились, нашли несколько интересных икон и одну картину из Васильчиковской коллекции, но получить всего этого не удалось, так как священник уехал в Пензу, а дьякон без него не решился выдать нам найденное. Пришлось ограничиться несколькими старыми, потёртыми или расколотыми иконами из груды их, лежавшей на колокольне. В это время открылся волисполком, куда мы с Линцевичем и отправились. Баранов же пошёл проводить дьякона, зашёл к нему в дом и там за чайком с медком уговорил дьякона отдать музею висящий у него портрет из Васильчиковской галереи. Дьякон обещался доставить портрет в Петровск - при условии присылки ему фотографии с этого портрета.

При волисполкоме в архиве оказались книги из библиотеки Васильчикова, отобранные в своё время у крестьян, – лежали на полу грудой. Линцевич занялся просмотром этих книг, а я стал расспрашивать членов волисполкома о судьбе Васильчиковского имущества. В разговоре принимал участие председатель волисполкома, его товарищ секретарь, зав. волостнаробом и ещё кое-кто.

У Васильчикова было два барских дома: старый и новый. В старом парадном доме находилась лучшая мебель, посуда, картины, коллекция старинного вооружения и пр. При дележе имения новый дом достался берёзовским крестьянам, а старый – андреевским. Андреевцы из старого дома всё вывезли к себе в Андреевку, где и поделили между собой. В старом доме после того поместился народный дом. На мой вопрос – сохранилось ли теперь что-нибудь из поделённого крестьянами – мне ответили, что едва ли, так как вскоре после дележа прошёл слух, что будут отбирать расхищенное, и под влиянием ожидаемого возмездия началось истребление и прятание расхищенного. Картины рвались в куски, резали на части, остальное закапывали в землю, бросали в колодцы, в реку. И действительно несколько раз происходило отбирание расхищенных предметов. Приезжавшие из Петровска люди увозили всё отобранное с собой: увозили книги, картины, оружие и драгоценные предметы. Кое-что сами крестьяне увозили в Пензу для продажи, кое-что скупили приезжавшие из Пензы спекулянты. «Вряд ли что сохранилось, вот разве в Андреевке – уж очень много они увезли тогда».

Под влиянием разговоров у нас сложилась мысль посетить Андреевку, что мы по соглашению с председателем волисполкома и сделали в этот же день после 4-х часов дня. А до этого времени осмотрели помещичью усадьбу, заходя в поисках музейных экспонатов в каждый дом и каждую квартиру. Поиски наши оказались совершенно тщетными, если не считать куса мрамора от какой-то разбитой статуи или бюста, найденного валявшимся в куче мусора посреди двора усадьбы. Ещё за несколько дней до нашего приезда бюст был в целом виде и разбили его дня 3-4 тому назад. Тут мы видели прежний народный дом, с которого сняли крышу, окна, двери, полы – сняли потому, что всё это расхищалось и растаскивалось. Всё снятое перевезли в село и сложили в кучу волисполкома – в надежде перенести сюда же на площадь и весь народный дом. Как и в какой мере оправдываются эти надежды – покажет будущее, а пока, на наш малокомпетентный взгляд, вся эта сложенная у дома волисполкома в кучу масса строительных материалов будет большим соблазном для любителей никем не охраняемой общественной собственности: благо в разобранном виде всё это гораздо легче унести. После осмотра барской усадьбы, производящей впечатление руин, у нас ещё было свободное время, и мы решили воспользоваться приглашением/предложением председателя местной комячейки Фёд. Ник.

Ильина ходить по знакомым ему домам, где – он знает – можно найти ещё кое-что. Пошли сначала к нему на квартиру, где он нам отдал хранившуюся у него нагайку времён крепостного права, принесённую откуда-то кем-то, металлический старинный кувшин, а затем – шлем и два щита, отданных в наше распоряжение старухой, его родственницей, покрывавшей щитами корчаги. Он него мы пошли по домам некоторых известных ему лиц, у которых, по его предположению, должны быть Васильчиковские вещи. Этот обход не был удачен, так как в большинстве случаев мы не заставали хозяев, а ждать было некогда, ибо приближалось время поездки в Андреевку.

В 4 часа мы все трое вместе с председателем волисполкома т. Ионовым отправились в Андреевку. Здесь мы для подворного обхода разбились на две партии. Одна, состоящая из меня, Баранова и Ионова, отправилась в один конец деревни, а другая – Линцевич и заместитель председателя сельсовета – в другой. Во время обхода деревни т. Ионов рассказал нам, как происходил дележ вывезенного из старого дома андреевцами Васильчиковского добра. «Опустошив старый дом, – говорит Ионов, – андреевцы на многих подводах (одних книг было подвод 15) перевезли всё в Андреевку, сложили в гамазею, затем приступили к делёжке: разбили всё село на кучки, и каждая кучка брала своё – или тоже на подводы, и таскали прямо на руках, книжки наваливали прямо в телегу; привезут домой, подвернут колесо и вывалят из телеги, как картошку. Ребятишки рвут друг у друга, дерутся».

– А как делили книги, – спрашиваем, – одному – одного сочинителя, другому – другое, не разразнивали же?

– Ну вот не разразнивали. Делили по кучам, а что там, в куче, то это не важно.

Действительно, находя у крестьянина один том многотомной книги, мы спрашивали, а где ещё такая же книга. И получали ответ, что эта только одна досталась при делёжке.

Тот же председатель волисполкома рассказывал, а другие подтверждали, что недавно, за несколько дней до нашего приезда, мальчишки, разделившись на две партии, раздирали на улице какую-то рукопись старинную на очень старой бумаге, страшно крепкой. Тов. Ионов будто бы видел на ней дату: 1387 год. Но если даже допустить ошибку с его стороны в определении даты, тем более что она, вероятно, была сделана – если только рукопись действительно старинная – церковно-славянскими буквами, а потому не каждым может быть прочитана, – принимая во внимание необыкновенную прочность материала, на котором была написана рукопись, указывающую на её древность, нельзя не пожалеть об утрате её почти накануне нашего приезда.

Дальнейшие подробности наших походов в Андреевке описаны моими товарищами по экскурсии. Я позволю себе процитировать ту часть доклада т. Баранова, в которой говорится о картинах: «Была обойдена вся деревня и паче чаяния немного найдено. По рассказам жителей, все картины были поделены между жителями, которые как украшение вешали их на стены, и по мере загрязнения одной заменяли её следующей, выбрасывая в навоз загаженную».

Найденные картины оказались просто-напросто счастливее всех потому, что одна – «Базар», картина масляной краской русской школы, была написана на жести, и хозяин берег её как зеницу ока, собираясь использовать её для ведра – только с условием обмена картины на ведро её и можно было у него взять. Другая, «Привал у водоёма», картина масляной краской на холсте, вероятно, старой голландской школы, висела спокойно на стене под страшным слоем пыли, так что не была заметна даже для глаз хозяина – и только поэтому спаслась. Третья – «Сцена в восточном городе» с подписью Н. Самокиша (из Туркестанской экспедиции) претерпела много мытарств, прежде чем попала в Петровский музей. Чтобы не мешаться – очень долго лежала на подложке, откуда каким-то образом свалилась на пол в сени, где и валялась до тех пор, пока хозяин не догадался загородить ей громадные дыры в стене, в головах своей постели; там-то она и доживала свой век, когда неожиданно-негаданно, вся измятая и потрепанная, со сломанным подрамком и отлетевшей краской, отдана равнодушно неблагодарным хозяином.

При обходе деревни бросилось в глаза то обстоятельство, что все худые окна (а их почему-то в Андреевке очень много) были заклеены и забиты или корками от книг с цветными старинными рубашками, или обрезками репродукций и фотографий с картин – и по этим-то следам было ещё найдено 19 больших роскошных фотографий со стороны картин и скульптуры (преимущественно итальянской школы).

К словам А. А. Баранова я только добавлю, что поезжай мы раньше и останься в Андреевке дольше – мы нашли бы значительно больше. Но наш запоздалый приезд и вытекающая из этого необходимость успеть – даже не объехать, а прямо - обскакать ещё несколько селений (мы мечтали попасть в Бузовлево, где тоже было много всяких ценностей), чтобы успеть схватить ещё уцелевшие там из помещичьих ценностей – эта необходимость заставила нас ограничиться осмотром Андреевки в течение 4-х часов.

Однако и этого короткого времени с избытком было достаточно, чтобы увидеть судьбу книги в современной русской деревне. В этом смысле характерны этично простые ответы, какие давали нам бабы на вопрос, есть

ли книги. «Были книги, да мужики все искурили» или «ну откуда у нас будут книги, наши мужики не курят».

Чтобы узнать, что же именно искурили берёзовские и андреевские мужики, надо определить, какие же книги сохранились. Вот, например, что нами найдено как у крестьян, так и в волисполкоме (а чего не найдено, что отсутствует, то, надо полагать, в большинстве случаев было искурено): «История Академии наук», т. 1. Пекарский – остальных томов нет; «Древняя русская вифлиофика», издаваемая Ник. Новиковым (за 1790 г. найдена только 1-я часть – остальных не найдено, за 1791 г. сохранилась лишь 16-я часть, остальные исчезли); от «Географического словаря» издания 1788 г. сохранилась только 3-я часть; от «Сборника материалов для истории Академии художеств» уцелела только 2 часть и т. д.

При обходе домов мы брали только то, что жители отдавали нам добровольно или в обмен. Так, несколько книг мы получили в обмен на имевшуюся у нас чистую бумагу – для курения, а одну картину нам отдали, как уже говорилось, под условием прислать за неё ведро. Весь следующий день был употреблён на беглый обход Берёзовки вместе с тов. Ильиным, часть на просмотр и записывание лежавших в волисполкоме книг, в которых тоже имелись следы курильщиков, и частью, наконец, на оформление результатов нашей работы (составление описей, выдача расписок и т. п.).

В общем из Берёзовки и Андреевки мы вывезли: 6 картин, один альбом выставки в пользу голодающих 1892 г., 19 фотографий с картин и статуй старых мастеров, 193 старых и старинных книг на русском и иностранных языках, рукопись XVIII века, старинную ногойку, старинный металлический кувшин, шлем и два щита.

По словам Ильина, в Берёзовке была ещё боевая кольчуга, которой ещё третьего дня играли в огороде дети. Долго искали эту кольчугу, даже объявили премию в пять тысяч рублей нашедшему, но тщетно: кольчуга как в землю провалилась. Видимо, слух о том, что кто-то ходит по селу и отбирает помещичьи вещи, дошёл до его владельца, и он поспешил запрятать её подальше. Что это так, что испуганный хозяин кольчуги её действительно запрятал – это подтвердилось потом через расспросы привёзшего в музей кольчугу человека. Ильин всё-таки её нашел (по его словам, кольчуга оказалась зарытою в землю на дворе помещичьей усадьбы).

Уезжая из Берёзовки, мы сделали предложение волисполкому получить от местной церкви и прислать в Петровск 8 икон и картину «Снятие с креста», получить от андреевских крестьян 14 найденных нами у них книг, а также прислать кусок мрамора, валявшийся во дворе барской усадьбы.

Относительно икон и картин Берёзовский волисполком потом написал музею, что священник затрудняется выдать просимое единолично и на 29 августа назначил собрание церковного совета, на котором и будет обсуждаться наше требование. Относительно книг, найденных нами в Андреевке, получен такой ответ, что владелец книг не согласен уступить их даром.

В Князевке, куда мы приехали 27 августа утром, мы прежде всего осмотрели Народный дом. Он помещается в первом этаже помещичьего дома и состоит из зрительного зала, сцены, бутафорской и декораторской, буфета, артистических уборных. Народный дом как устройством своим, так в особенности чистотой и общим порядком произвёл на нас прекрасное впечатление. Такое же хорошее впечатление произвела и библиотека, помещавшаяся в клубе имени В. И. Ленина.

Делались попытки отыскать что-либо у частных граждан с. Князевки. Попытки эти ни к чему не привели, так как по отзывам всех, с кем приходилось говорить – а для этого пришлось достаточно побегать по селу – имение разгрому не подвергалось и с переворотом всё перешло к организациям. Вечером, собрав осведомлённых граждан (крестьян) и часть старых служащих волисполкома и экономии, мы генерально выяснили вопрос о том, куда делись оставшиеся после княгини Голицыной вещи. Долго, утомительно, подробно, перебивая друг друга, рассказывали нам приглашённые о постепенном переходе имения после смерти Голицыной от одной организации к другой, о приезде различных уполномоченных из Петровска, увозивших отсюда различные ценности и предметы, о приходе банд и т. д. Показывали нам описи ценностей, составлявшиеся при переходе имения от организации к организации. По одной из очень разнообразных и сбивчивых версий, имение Опекунского совета перешло в ведение Уземотдела. В первый период очень частых перемен заведующих музей постепенно таял и таял. Вещи вывозились лицами, совершенно не причастными к музейному делу и вообще даже к делу народного образования, выдавались они без всяких описей и расписок, и дальнейшая поэтому судьба их неизвестна.

Бывали даже и такие случаи, как, например, служащий земотдела Цаплин, неизвестно из-за каких побуждений, просто-напросто изрубил пашкой множество картин и старинных портретов, вероятно, из семейной портретной галереи.

До сих пор в кладовой при барском доме Голицыной валялись много сломанных и цельных рам из-под картин.

Первая организованная попытка к вывозу музейных ценностей была сделана А. Г. Козловым в период заведывания им Уостнаробом. Всё оставшееся сохранилось в Народном Доме и использовалось в качестве бутафории театром (однако нужно заметить, что относились к картинам, видимо, бережно, так как всё найденное там было в полной сохранности, без признаков пыли и каких-либо повреждений).

Проходившими бандами Попова из оставшегося там опять было уничтожено: картины разорваны, старинная мебель изломана, а ценные персидские ковры вывезены.

Все оставшиеся музейные ценности в 1-й же день были списаны и изъяты из употребления с условием дать театру несколько бутафорских картин для сцены.

Получены от Князевского Нардома и доставлены в распоряжение музея следующие:

- 1) «Повозка на фоне замка», картина масляной краской на дереве, без подписи, вероятно, старой голландской школы.
- 2) «Повозка на берегу реки», картина к предыдущей парная.
- 3) «Приморский пейзаж», картина масляной краской на холсте, без подписи.
- 4) «Марина», картина масляной краской на холсте, неизвестный автор и неустановленной школы.
- 5) «Марина», парная к предыдущей.
- 6) «Портрет Голицыной» неизвестного автора русской школы.
- 7) «Албанцы», картина масляной краской с неразборчивой подписью и датой 1858 г.
- 8) «Сцена на опушке леса», картина масляной краской на холсте, неизвестного автора, вероятно, старой голландской школы.
- 9) «Сцена в кабачке», картина масляной краской на дереве, подлинник Андриана Оана Остаде с его подписью.
- 10) «Голова старика», картина масляной краской на дереве, без подписи (есть положительные данные приписывать картину Рубенсу).
- 11) Фотография с картины Степанова «Нападение волков».

В библиотеке Нардома изъято и переведено следующее:

- 1) Автограф выставки Академии художеств 1869 г. со 102 литографиями.
- 2) Автограф выставки Академии художеств 1870 г. со 104 литогр.
- 3) Подлинная литография с подписью Бегрова.
- 4) «Дуб», рисунок тушью, по всей вероятности, подлинник Шишкина.

- 5) 3 литографии с подписью Шишкина.
- 6) Альбом Парижского салона 1869 г. с репродукциями.
- 7) 7 репродукций с вещей Гагарина, Трутовского, Репина и Савницкого.
- 8) Репродукция с рисунком Рафаэля.
- 9) Отличных больших репродукций:
 1. Андреа Дель Сарто.
 2. Жерома.
 3. 2 Фландрена.
 4. (Флорентийская ночь XIV в.)
- 10) Изъято 15 фарфоровых посуды из буфета Нардома.
- 11) Жителем Князевки Заварицким пожертвована икона на дереве русской школы XVII – XVIII в.

Всего в Князевке найдено:

- 11 картин масляной краской,
- 2 подлинных рисунка,
- 206 автографов.
- 15 хороших репродукций,
- 1 альбом Парижского салона,
- 1 икона,
- 15 фарфора.

В князевской церкви находится икона Новгородской школы, в серебряной оправе, вероятно, XVI века, которую можно получить на современную икону.

Моему товарищу по экскурсии заведующему историко-археологическим отделом очень хотелось найти хоть что-нибудь из семейных архивов Васильчикова и Голицыной. После неудачи в Берёзовке, где не найдено даже клочка, вся надежда его сосредоточилась на Голицынской усадьбе, одной из самых старинных в уезде, не тронутой крестьянами ни в 1905, ни 1917 гг. И действительно, по показаниям её служащих, после её осталось много всяких бумаг и как будто недавно они были. Но из расспросов служащих исполкома выяснилось, что в настоящее время ничего не имеется, всё куда-то израсходовано, «было что, кажется, в волземотделе, но теперь нет ничего». «Вот попробуйте, – говорили в виде последнего утешения, – поищите в каретнике, там что-то, кажется, хранилось, а если там не будет – значит тогда нет». Целый день мы ждали с нетерпением какого-то служащего, у которого был ключ от каретника, и наконец на другой день мы получили возможность заглянуть в этот каретник, в котором (это тоже нас интересовало), как нам говорили в Петровске, хранятся кареты Екатерины II. Так как это было последнее не осмотренное нами помещение, и мы связали с

ним массу надежд: один – желая найти картины, другой – переписку или рукописи, третий – карету Екатерины, то мы прямо бросились в широко растворенные двери. Но самое жестокое разочарование ожидало нас в недрах этой княжеской экипажной хранильницы. Кроме нескольких пустых рам из-под картин и одной картины, правда, разорванной (хотя нас перед этим все усиленно уверяли, что никаких картин нигде больше нет). Характерная особенность, когда предмет не блестящ или не годен для пользования: разорванная или запачканная картина, старинные боевые доспехи, сломанный стул, ваза с отбитым краем, старинная книга с толстыми негодными на курево листами и т. д., то о таких вещах совершенно забывают и прямо говорят: «Нет, ничего не оказалось, ни листа бумаги». «Карета же Екатерины II» оказалась обыкновенной каретой недавнего прошлого.

Следующим пунктом, где нам надлежало быть, был Кондоль. Там мы предполагали найти остаток Голицынских ценностей, попавших из Князевки, однако найдено было мало.

Ещё в Князевке мы слыхали, что в нардоме в Кондоле есть старинное оружие и картины, а в районной милиции – прекрасная богатая мебель. Поэтому первый визит наш был в волисполком, где, как нам сказали, помещается и нардом. Там мы нашли диван и двойное кресло белое с красной обивкой в стиле «Ампир». Они стояли для всеобщего употребления, а потому оказались ободранными и немного поломанными, но ещё сидеть на них было можно; оружие и картины, говорят, находятся в реквизиторской, а она оказалась запертой до вечера. В ожидании пока придёт казначей исполкома, у которого находился ключ от реквизиторской, мы вдвоём с тов. Барановым (тов. Линцевич ушёл осматривать церковь) отправились осматривать школу второй ступени, находящуюся за селом, в усадьбе бывшего князя Оболенского. Здесь мы осмотрели помещение школы, библиотеку и помещение нардомы, почему-то переведённого из центра села, из довольно сносного помещения с хорошей сценой, сюда, за версту от села, в гнусное помещение, тесное, тёмное, с крошечной неудобной сценой. Ничего годного для музея не оказалось.

Возвращаясь отсюда в село и помня указание князевцев, что при милиции находится прекраснейшая старинная мебель, мы предвкушали удовольствие увидеть эту мебель и увезти её в Петровск. Но каково же было наше удивление, когда в одной из комнат милиции мы узрели только один стул с выпущенными внутренностями того же фасона, как мебель, найденная нами при волисполкоме. В помещения же начальника милиции, жившего в одном доме с милицией, мы заглянуть не решились.

Вечером, сидя в волисполкоме в ожидании казначея с ключом от реквизиторской, мы, по усвоенному нами во время поездки обычаю, разговорились с дежурной барышней о том, что можно найти в Кондоле. Отвечая на наши вопросы, она проговорила, что у них при волисполкоме

имелись два золочёных стула, которые сломались и вынесены в сарай. Этого было достаточно, чтобы мы пристали к подошедшему вскоре председателю волисполкома: «Куда девались золочёные стулья» – он говорит: «Ничего больше нет, вот что видите – это только и есть». Мы настаиваем на своём, он – на своём. Долго бы продлился этот спор, если бы один из наших товарищей не догадался сбегать в сарай и принести оттуда золочёный стул, из-за которого шёл спор. Оказывается, изломанная вещь, становясь бесполезною, выходит из круга внимания и памяти.

В реквизиторской интересных в музейном отношении картин не оказалось, а оказалось оружие, которое мы и увидели и увезли с собой, сделав распоряжение об изъятии найденной мебели из употребления и хранении её до распоряжений из Петровска.

Как я указывал выше, из Кондоля мы хотели пробраться в Бузовлево, но было уже 29 августа, а 31 кончался срок нашим нарядам на подводы. Поэтому мы решили ехать не в Бузовлево, на что не хватало времени, а во 2-е Варыпаево, где, как мы узнали в Кондоле, у Ховена была картинная галерея, в церкви находились очень старинные вещи. Однако во 2-е Варыпаево нам не удалось попасть, так как в Волхонском Умёте мы узнали, что в Варыпаеве страшное беспокойство по случаю ожидаемого прибытия банд, следующих из Порзова. Таким образом, пришлось повернуть на Ключи, и отсюда – на Петровск, куда мы и прибыли в 2 часа ночи 30 августа.

Так протекала наша экскурсия. Теперь мне остается сделать общие выводы о результатах той первой экскурсии, устроенной с согласия Устнароба.

Обращаясь к этой стороне дела, я должен констатировать, что результат поездки в уезд далеко не оправдал тех ожиданий, которые были связаны у нас с этой экскурсией. Прежде всего, экскурсия захватила значительно меньший район, чем предполагалось, а это имеет большое отрицательное значение, так как известно, а экспедиция воочию убедилась, с какой скоростью гибнут и исчезают исторические или художественно-высокоценные, неповторимые, единственные предметы, в своё время изъятые из дворянских усадеб. Затем, обследование коснулось только некоторых областей из числа намеченных. Например, этнографическое и естественно-историческое обследование не велось экскурсией совсем, отыскание следов банд велось между прочим, обследование архивов и осмотр церквей производился более чем поверхностно. Всё внимание членов экспедиции ушло на поиски музейных ценностей из помещичьих усадеб, да и эти поиски велись спешно, нервно и шумно, с привлечением властей, с подворными обходами, осмотрами. А это вело к излишнему разговору, запугиванию населения и создавало впечатление шумного налёта вместо того спокойного, скромного и доверчиво-благожелательного впечатления, которое должна была оставить экскурсия такого учреждения, как музей.

Вся эта судорожная торопливость, сопровождавшая нашу поездку и являвшаяся желанием в немногое время сделать многое, по крайней мере в отношении количества посещённых мест, имела следствием недоделанность работы, незаконченность обследований, расспросов, лишённых свойства перекрёстности, взаимной проверки. Например, нам хотелось обстоятельно выяснить, куда же девалась вся эта масса ценностей, вроде музея оружия Васильчикова, его же огромной библиотеки, картинной галереи или чьи изображения на имеющихся в распоряжении музея фамильных портретах, но, благодаря такой торопливости, мы имеем в этой области лишь смутные, сбивчивые и противоречивые показания.

Хотя, с другой стороны, в условиях времени, приходится допустить, что скорейшее получение погибающих у всех на глазах ценностей, которыми насыщена деревня, только и осуществимо в такой форме, как налёт, лишь бы это был налёт не Цаплина, а людей более или менее осведомлённых в распознавании старинных и художественных предметов

Итак, скомканность маршрута, сокращение района обследования и крайняя спешность поездки – это отрицательные стороны экскурсии. Но есть и положительные стороны экскурсии. Помимо собственных наблюдений, подкрепляемых фактом привоза двух возов экспонатов... [окончание машинописной рукописи утрачено]

***При подготовке материала была использована следующая литература о
Квадале:***

1. Врангель Н. Иностранцы в России / Н. Врангель // Старые годы. - 1911. - Июль- сентябрь.- с. 50.
2. Гудыменко Ю. Ю. Портрет на академической выставке 1804 года: участники и их произведения : [[Электронный ресурс](#)] дата обращения: 15.08.2025
3. Известие об ученых обществах в России // Северный вестник. - 1804. - Ч. 3. -с. 219-235.
4. Коронация Павла I и Марии Федоровны. Картина Мартина Фердинанда Ква-даля / Государственный Русский музей ; науч. рук. Е. Петрова, авт. статей: Н. Марушина, Е. Рипак. - Санкт-Петербург : Государственный Русский музей; Palace Editions, 2004. - 24 с.
5. Ю.В. Шевцова, А.Е. Кулаков. От Моравии до России: судьба чешского художника Мартина Фердинанда Квадаля и его полотен // Славянский сборник: межвуз. сб. науч. тр. - Вып. 17. - Саратов: ИЦ «Наука», 2019. - с. 98-106.

6. Лебедев А.В. Этюды о Квадале / А. В. Лебедев // Сообщения института истории искусств. = Вып. 8. Живопись. Скульптура. - М., 1957. - с. 123-135.
7. Некрасова Е. Забытый чешский художник / Е. Некрасова // Искусство. - 1980. - № 8. - с. 59–63.
8. Лешуков А. Г. Реклама отдельных культурно-зрелищных мероприятий в России в начале XIX в. / А. Г. Лешуков // Культура - искусство - образование: XXXVIII научно-практическая конференция научно-педагогических работников. - Челябинск, 2017. - с.204–207.
9. Пашкова Л. В. Эти прошлые лица на отцветшем большом полотне... Малоизвестная картина М. -Ф. Квадаля «Коронация Павла I и Марии Фёдоровны» / Л. В. Пашкова // Дворянские усадьбы саратовской губернии: Материалы вторых Боголюбовских чтений : 29 -31 марта 1995 года. – Саратов: издательство «Ареал», 1998. – с. 48-58.
- 10.Эрнст С. Старые портреты / С. Эрнст // Старые годы. - 1916. - Апрель-июнь - с.23. (Собрание Е. П. и М. С. Олив)
- 11.Šafaříková E. Martin Ferdinand Chvátal (1736 – 1809): magisterská diplomová práce. - Olomouc, 2012. - 381 s.: [[Электронный ресурс](#)] дата обращения: 15.08.2025
- 12.N. H. Thomas, A Forgotten Animal Painter // Country Life. - 1956, 05.31., s. 1180 – 1181.: : [[Электронный ресурс](#)] дата обращения: 15.08.2025

Архивные источники:

Вид усадьбы в 1880 году, План двора // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 638.

Доклад заведующего музеем В. Н. Козлова о первой экспедиции по Петровскому уезду // ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 4.

«Жизнь Анны Серг. Голицыной» – рукопись Заварицкого / Саратовская губернская учёная архивная комиссия // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 651.

Обзор о Князевском сельском обществе Петровского уезда Г. К. Заварицкого и Успенского // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Ед. хр. 645.

Первый департамент Сената. По прошениям иностранки вдовы Софьи Квадаль об уклонении Сенатского архива от выполнения требования канцелярии 4-го департамента Сената насчет доставленного в оный дела ее // РГИА. Ф. 1341. Оп. 259. Д. 38.

Рукопись Заварицкого по истории с. Князевки Петровского уезда за XVIII – XIX вв. / Саратовская губернская учёная архивная комиссия // ГАСО. Ф. 404. Оп. 2 Ед. хр. 646.

Четвертый (апелляционный) департамент Сената. Дело живописного мастера Софии Квадаль о денежной претензии // РГИА. Ф. 1348. Оп. 71. Д. 801.

Четвертый (апелляционный) департамент Сената. Об удовлетворении вдовы профессора живописи Квадаль, присужденными ему деньгами, данными надворным судом титулярному советнику Скопинскому по переданному ему от княгини Шаховской условию // РГИА. Ф. 1348. Оп. 71. Д. 1177.